

Существует расхожее мнение, что на Военно-морской флот идут одни романтики. Это глубокое заблуждение! На флот приходят чаще всего под давлением будничных житейских обстоятельств. А уже море и служба делают многих моряков романтиками.

Так и у заканчивавшего среднюю школу Геннадия всё начиналось весьма прозаично. Его родителям, с зарплатами советских времён – 120 и 90 рублей, нелегко было содержать троих детей. И когда жених его двоюродной сестры – курсант Высшего Военно-морского училища им. Фрунзе сказал ему: «А давай к нам! Учат, кормят, одевают, дают хорошую специальность», – колебаний не было.

Первая попытка оказалось неудачной – не прошёл по конкурсу. Год отработал простым рабочим на тарном заводе. Зато на следующий не то что повезло – ведь целый год вечерами и по выходным сидел за учебниками, на душевном подъёме, уверенно набрал проходной балл.

Учился на гидрографическом факультете – элитном в училище, где в будущего моряка-гидрографа с первых дней учёбы закладывались определённые принципы отношения к служебным обязанностям. Если артиллерист или минёр могли себе позволить по службе определённые вольности, то из гидрографов воспитывали педантов – ответственных, грамотных и внимательных к каждой мелочи. Уже науки первого курса обучения – навигация и астрономия требовали непрямого выполнения основного штурманского принципа: «Пишем то, что наблюдаем, чего не наблюдаем, того не пишем».

Имена многих русских моряков: Крузенштерн, Беллинсгаузен, Путятин и других навечно запечатлены на картах мира. Они открывали и описывали материки, острова, побережья Тихого и Северного Ледовитого океанов.

На долю современного гидрографа остались менее романтические, но не менее важные задачи по обеспечению безопасного плавания боевых кораблей и гражданских судов, разведки и добычи полезных ископаемых в шельфовой зоне морей и океанов... Всему этому и обучали на факультете.

Учёба на набережной Лейтенанта Шмидта сменялась в летние месяцы корабельной практикой. Особенно памятные походы вокруг Европы из Ленинграда в Севастополь на учебном корабле «Смольный» и из Севастополя домой – на гидрографическом судне «Фаддей Беллинсгаузен». Был заход в немецкий порт Росток, в проливе Большой Белт рядом с бортом проплывали зелёные луга с пёстрыми чёрно-белыми коровами и красивыми, словно игрушечными, жёлтыми домиками под красными крышами. В те далёкие годы для советского человека всё это было ново и интересно.

В Севастополе был штурманский поход от Одессы до Батуми на крейсере «Жданов». Живописные берега, множество навигационных знаков и маяков – не зевай, пеленгуй и наноси место корабля на карту. Геннадий вместе со всеми курсантами стоял дневные и ночные вахты, определяя место крейсера не только по береговому маякам и знакам, но и по светилам. Астрономическим наблюдениям уделялось особое внимание, это и понятно – в открытом океане маяков нет. За поход надо было сделать 36 определений по Солнцу и звёздам. От задачи к задаче твердела рука с секстаном, уменьшалось время расчётов, появлялась уверенность в определённом тобою местоположении корабля.

Оставалось время и для романтики. Черноморские берега очень красивы при виде с моря, а крымские, при боковом освещении, когда солнце уходит на запад, в особенности. Я уже не говорю о том интересе, с которым молодые моряки разгля-

Море и корабельная служба оставляют на лицах большинства бывалых флотских офицеров отпечаток спокойной уверенности.

Взглянув на такого человека, сразу понимаешь, что судьба не раз ставила перед ним сложные задачи, что не раз он попадал в обстоятельства, когда в короткое время требовалось принять единственно правильное решение.

И в условиях гражданской жизни такой человек всегда найдёт выход из трудного положения, не растеряется в трудной ситуации, не струсит в минуту опасности, не пойдёт на поводу «непреодолимых» обстоятельств.

Герой этого очерка – капитан 1 ранга Правдин Геннадий Николаевич из породы именно таких людей.

На море и на суше

дывали в бинокли, визиры и дальномеры береговые пляжи с загорающими на них девушками.

Но есть и другая, ни с чем не сравнимая, красота, доступная далеко не каждому. Людям, живущим в городах, особенно в мегаполисах, над которыми полыхает зарево уличного освещения, она недоступна. Красота эта над нами, в ночном небе. На юге ночь особенно темна. Палубное освещение на корабле выключено, и никакой посторонний свет не вторгается в её абсолютную чернь. А безоблачное небо покрыто россыпью бесчисленного количества крупных, сверкающих, как алмазы, звёзд. Зрелище это по-колдовски завораживающее, от него невозможно отвести взгляд, его невозможно забыть. В то же время, глядя в бесконечно глубокую темень неба и холодные звёзды, ощущаешь могущество и необъятную громаду Вселенной, понимаешь, насколько малы, даже ничтожны мы – люди, вместе с нашей планетой Земля.

На крейсере была не только штурманская практика. По своей боевой и повседневной организации, порядку дня, организации быта крейсера всегда были на порядок выше эсминцев, тральщиков, не говоря уже о других малых кораблях. Офицеры, прошедшие службу на крейсере, всегда высоко ценились на флоте. Геннадий многое вынес для своей будущей службы из этой крейсерской практики.

Закончено училище, в 1972 году Геннадий Николаевич уже лейтенант флота – помощник командира гравиметрической партии Северной гидрографической экспедиции, дислоцировавшейся на о. Соломбала в Архангельске. Началась новая жизнь: выходы в море для замера различных земных полей в Северном Ледовитом океане и последующая обработка материалов, полученных в экспедициях, на берегу.

На всю жизнь запомнились высокоширотные воздушные экспедиции на дрейфующие льдины. Замер магнитного, электрического и гравитационного полей, замер глубин моря. Последнее особенно важно для обеспечения плавания подводных лодок. Ведь некоторые из них обладают предельной глубиной погружения 800 м! А в Баренцевом море большинство участков имеет глубину 150 – 200 м.

На льдину прилетали самолётом АН-12, который обладает коротким разбегом при взлёте и посадке и одновременно достаточной грузопо-

Г. Н. Правдин

дѐмностью, что особенно важно для переброски большого количества измерительной аппаратуры, разного рода припасов и топлива.

В этих экспедициях была и своя экзотика, притом в самом прозаическом, казалось бы, занятии – мытье в бане. В большой, специально разбитой, палатке устанавливались 4 газовых печи, на них – баки с водой. Через час-полтора воздух в палатке был настолько насыщен горячим паром, что заходить внутрь приходилось пригнувшись. Мылись и парились привезенными с собой венниками, пока хватало сил. Наиболее смелые периодически выбегали наружу и окунались в проруби. После бани, изнеможенные, но словно заново рожденные, садились к «последбанному» столу.

Выходы в море на экспедиционных судах – это не полёты самолётов, они не привязывались к хорошей погоде. А штормовых дней в море Баренца, особенно весной и осенью, достаточно для того, чтобы молодому лейтенанту, вначале поймавшему несколько дней и покушавшему вместо горячего обеда ржаных сухарей и квашеной капусты, привыкнуть к постоянной, вытягивающей наружу все внутренности, качке.

Привык и Геннадий Николаевич. Не только к качке, но и к виду разбушевавшегося моря, несущего навстречу судну огромные пенные валы, кроме которых, куда ни кинь взгляд, от горизонта до горизонта ничего другого не видно. ЭОС «В. Каврайский», на котором довелось работать, был короче, чем расстояние между гребнями двух штормовых волн. Поэтому, скатываясь по склону одной волны, судно неизменно таранило форштевень другую, и десятки тонн воды обрушивались на полубак, словно хотели поглотить притопленное судно, загнать его внутрь волны. На выручку приходили отличные мореходные качества судна, и оно, вздыбившись, забиралось на очередной гребень. И так иногда несколько суток подряд.

На время приёма пищи командир приказывал развернуть корабль по ветру, его скорость выравнивалась со скоростью бега волн, и тогда наступала благодать: корпус корабля держался прямо и, подрагивая от работающих винтов, лишь изредка кренился набежавшей сзади волной. В это время можно было спокойно посидеть за столом, пообедать и поговорить с сослуживцами. Тарелки с супом и стаканы с компотом уже не нужно было придерживать руками.

Служба службой, но, чтобы поддерживался интерес к ней, да и к самой жизни, нужно семейное тепло, нужно осознание того, что на берегу тебя

ждут, что вернёшься ты не в казарменную комнату, а к тёплому домашнему очагу, к любимой жене и детям, где вместе с радостью встречи на тебя нахлынет масса крупных и мелких бытовых забот.

Отпуска были всегда как праздники, проводили их в основном в Ленинграде. В отпуске и встретил однажды Нину – соученицу по школе. Состоялось как бы второе знакомство, но на более высоком уровне – оба были уже зрелыми людьми, с устоявшимися взглядами и определённым жизненным опытом. После нескольких свиданий Геннадий понял: «Это – Она»!

Свадьбу сыграли, когда Геннадий для повышения квалификации поступил на Высшие специальные офицерские классы. Учёба на классах шла в напряжённом ритме, домой приезжал уже к 22.00. Но всё остальное время были вместе – целый год! По воскресеньям ходили в театры, музеи, в летнее время выезжали за город.

Возвращение в Архангельск было не радостным, несмотря на то, что получил повышение по службе – стал командиром гидрографической партии. Нина, а с нею и первенец – любимая доченька Ирина, оставались в Ленинграде – жена продолжала учёбу в институте.

Весной 1977 г. получил особое задание на выполнение промерных работ с новейшей радионавигационной системой. Для системы работа была опытно-испытательной, однако и система, и командир гидрографической партии оказались на высоте.

Жить врозь с женой и дочерью было нелегко. Согласен был на любую должность в Ленинграде. И, поскольку наши мысли и мечты материальны, такая возможность представилась. Летом 1977 г. перевёлся на должность командира роты в Мореходное училище. Воспитывал молодых парней – будущих моряков. Передавал им свой опыт морской службы, прививал любовь к морю, приучал к соблюдению флотских традиций. Но, согласитесь, в должности командира роты 4 года – можно и заплесневеть. Уже после второго года работы Геннадия Николаевича стала посещать мысль: «Для чего столько учился, кому здесь нужны мой опыт, знания, высокая квалификация?».

И опять его мысли были услышаны где надо. И вот новая должность и работа по специальности в штабе Центра дальней радионавигации ВМФ. Первые 10 лет на различных, не очень престижных должностях, приобретал навыки штабиста, обнаружил незаурядные способности, был замечен и назначен начальником штаба. А что такое начальштаба? Если коротко: это второе лицо после командира, которое должно всё знать, во всё вникать, всем руководить, всё контролировать, за всё отвечать! А если также коротко о предназначении самого Центра, то это: обеспечить каждому надводному кораблю ВМФ, каждой подводной лодке, находящейся в подводном положении, возможность определить своё место в морях и океанах и тем самым обеспечить выполнение ими боевых задач и безаварийность плавания.

Через 7 лет после дочери родился сын – Игорь. И дочь и сын получили высшее образование, устроили свою судьбу и сейчас являются надёжной опорой родителей.

А Геннадий Николаевич, честно отслужив Родине 37 с половиной лет, 31 декабря 2004 года ушёл в запас. Но натура трудолюбива, а если прямо говорить, то и размер пенсии, не позволяют сидеть без дела. Два года отработал заместителем начальника Государственной инспекции по маломерным судам Ленинградской области, а с марта 2007 г. стал начальником отдела в Ленинградском областном суде, занимаясь делом, хорошо знакомым по службе в штабе.

В июле 2007 г. получил квартиру в Южном, в квартале, построенном по программе «15 +15». В довесок к новым домам жителям передали и массу проблем. И главная среди них та, что дома находятся на балансе МО РФ, поэтому администрация города Всеволожска не имеет никаких юридических прав помогать жителям этих домов в разрешении вопросов, связанных с жизнеобеспечением. К работе по решению этих проблем, по собственной инициативе, и подключился Геннадий Николаевич, войдя в состав Комитета общественного самоуправления мкр Южный. И подключился не формально – на каждом совместном заседании Комитета с администрацией города он выступает с конкретными вопросами и конкретными предложениями, многие из которых находят разрешение.

Несмотря на сугубо гражданскую государственную и общественную работу, капитан 1 ранга Правдин Геннадий Николаевич в душе остаётся моряком. Все выходные он проводит на водном просторе Ладоги. Свой катер, рыбалка, свежий, как в море, влажный воздух и такое же, как в море, ощущение свободы и отдалённости от всех житейских проблем. А что ещё надо моряку, чтобы ощущать себя в родной стихии?

Геральд БАСКО

Так выглядят гидрографические корабли.